

МАДИНА РАСУЛОВНА КАЮМОВА

главный архивист отдела научно-справочного аппарата
Национальный архив Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

РОЛЬ МУЗЕЙНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

А н н о т а ц и я . На примере Карело-Финской ССР рассматривается проблема формирования идентичности советских граждан на основе музейной репрезентации событий Великой Отечественной войны в первых послевоенных экспозициях Государственного историко-краеведческого музея республики. Источниками исследования стали документы музея, сопровождавшие процесс создания экспозиций, тексты экскурсий, путеводители и книги отзывов посетителей. Музейные показы 1948 и 1952 годов создавались в рамках историографической модели, сложившейся в первые послевоенные годы. Эта модель во многом определяла вектор исторических репрезентаций войны до 1990-х годов. В статье показано, с помощью каких музейных средств и экспонатов реализовывалась историографическая модель репрезентации войны, какие факторы влияли на формирование экспозиций, насколько усваивались основные идеи, заложенные в них, посетителями музея. Сделан вывод, что главным средством политико-воспитательной и просветительской работы и формирования идентичности музея были постоянные исторические экспозиции, представляющие собой связный рассказ о прошлом, своеобразный исторический нарратив. Нарратологический подход к анализу музейной экспозиции позволил раскрыть то, как события Великой Отечественной войны стали одной из основ идентичности советских граждан. Потенциал разделов постоянных экспозиций по истории Великой Отечественной войны в формировании идентичности использовался музейными работниками в деле патриотического воспитания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : музей, репрезентация, экспозиция, тематический экспозиционный план, Великая Отечественная война, идентичность, Карелия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каюмова М. Р. Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в формировании идентичности советских граждан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 42–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.920

ВВЕДЕНИЕ

Для советского экспозиционного жанра было характерно стремление к построению концептуального художественного образа. В центре экспозиции советского музея всегда находилась определенная идея, вокруг которой было организовано визуальное повествование [14: 6]. Особенностью подлинных музейных предметов, составлявших основу экспозиции, являлась их способность вызывать эмоциональный отклик у посетителей. Поэтому посетитель музея, погружавшийся одновременно в предметно-пространственную и эмоционально-образную среду, которые объединялись в определенный сюжетно-концептуальный ряд [13: 10], был окружен музейными образами, сообщавшими ему определенную идею, положенную в основу экспозиции.

Великая Отечественная война была одним из ключевых событий в истории СССР. Наряду

с Октябрьской революцией и Гражданской войной, победа в Великой Отечественной войне стала одной из основ идентичности советского человека и легитимности Советского государства [20: 160–161]. В региональных советских музеях раздел экспозиции, посвященный истории войны, занимал одно из центральных мест и играл большую роль в патриотическом воспитании молодежи.

В научной литературе деятельность центральных и региональных музеев по сохранению памяти о Великой Отечественной войне также в основном рассматривается в контексте патриотического воспитания молодого поколения [7], [8], [19]. Авторы музейведческих исследований в своих работах анализируют построение и предметный ряд экспозиций, делают выводы о том, как музейные экспонаты воздействуют на посетителей, какой воспитательный эффект имеет

их показ [6], [9]. Однако в большинстве случаев объектом исследований становятся современные экспозиции музеев, созданные недавно.

Исторические экспозиции советских музеев нечасто попадают в фокус внимания исследователей. Тем не менее в научных работах современных ученых, обращающихся к тексту советских экспозиций как историческому источнику, раскрываются научный потенциал и перспективы разработки этого источника для исторических и историографических исследований (см., напр., [1]).

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы формирования идентичности советских граждан Карело-Финской ССР на основе музейной репрезентации событий Великой Отечественной войны. Основными источниками исследования стали тематико-экспозиционные планы (ТЭП) разделов основной экспозиции Государственного музея Карело-Финской ССР по теме «Великая Отечественная война», путеводители по музею, протоколы методических советов музея, на которых обсуждались вопросы, связанные с репрезентацией Великой Отечественной войны в экспозициях, а также книги отзывов посетителей музея. ТЭП – это документы, в которых закрепляются структура музейных экспозиций, схема и порядок расположения экспонатов, состав пояснительных текстов и этикетажа. Они позволяют представить, как выглядела экспозиция, каково было ее содержание. Книги отзывов посетителей дают представление об эмоциональном отклике на экспозицию, а также степени рецепции основных идей, заложенных в музейном показе.

НАРРАТОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА ИСТОРИИ

Историческая музейная экспозиция представляет собой связный рассказ о прошлом, в основе которого лежит предметный ряд и аутентичная историческая концепция, тем самым она может рассматриваться как своеобразный исторический нарратив, что позволяет применить к ее изучению принципы нарратологии. По мнению Й. Рюзена, нарратив обладает способностью фиксировать в современности и передавать в будущее ключевые аспекты идентичности того или иного общества [11: 22]. Опыт прошлого оформляется в осмысленную историю посредством интерпретации и репрезентации событий как непротиворечивого целого [18: 46–47, 50]. Под репрезентацией исторических событий могут пониматься сами исторические труды, где изложены те или иные взгляды на исторический

процесс, произведения искусства, основанные или вдохновленные историческими событиями.

Угрозой для идентичности, по мысли Й. Рюзена, являются «кризисы», понимаемые как события и явления, не вписывающиеся в устоявшиеся представления об истории. Такие события подразделяются им на «нормальные», «критические» и «катастрофические». Первые могут создавать идентичность, обозначать ее происхождение, вторые приводят к изменению идентичности, возникновению ее более сложной версии, а последние разрушают идентичность, препятствуют ее позитивному утверждению. Такие события носят «травмирующий» характер и остаются постоянной угрозой идентичности [18: 55]. Условием для возникновения травмирующего события должно быть наличие коллективной идентичности, угрозу которой человек может осознать [5: 79].

Рассмотрим признаки травмирующего события. Прежде всего такое событие должно быть неожиданным и повлечь за собой быстро происходящие изменения. Травмирующее событие является радикальным по своему характеру и затрагивает все стороны жизни сообщества. Оно воспринимается как экзогенное, то есть не зависит от воли и желания самого индивида. Событие представлено в негативном ключе, воспринимается шокирующим, даже отталкивающим [21: 8]. Всеми этими признаками уже в первых публичных выступлениях советских лидеров была наделена начавшаяся 22 июня 1941 года война. В выступлении по радио наркома иностранных дел В. М. Молотова в этот день, а позднее в обращении И. В. Сталина к советскому народу 3 июля 1941 года нападение Германии было названо «вероломным», «без объявления каких-либо претензий», то есть неожиданным. Война характеризовалась как «навязанная», ее начало не зависело от воли советского правительства, политика которого в выступлениях советских лидеров была определена как миролюбивая, ответственность за начало войны лежала на немецких властях. Адресатом обращений было все население страны, жизнь которого должна была резко поменяться: перейти с нивы «мирного строительства» на «военные рельсы». Тогда же впервые появилось определение начавшегося конфликта как «великой войны всего советского народа против немецко-фашистских войск», победа в войне была представлена как вопрос жизни и смерти Страны Советов! Уже с первых дней Великая Отечественная война была показана как грозное, переломное событие, несущее прямую опасность существованию Советского государства. Таким образом, в первых оценках на-

чавшейся войны были заложены определения, несущие угрозу идентичности советских людей, однако в последующем именно вокруг событий войны и победы в ней во многом строилось самоопределение советского народа. Для того чтобы избежать травматизации общества, необходимо было трансформировать изначально заданный вектор восприятия событий, создать новую, более позитивную парадигму их репрезентации [18: 42]. Такая парадигма, основанная на трудах И. В. Сталина, сложилась уже в первые послевоенные годы и была воплощена в жесткой историографической модели репрезентации Великой Отечественной войны.

Неудобные моменты, травматичные эпизоды были вытеснены из этой модели, а военный опыт воспринимался как источник ценностей, проверяющих человека и объединяющих общество [12: 76]. Основными акцентами в репрезентации войны стали героизм и жертвенность во имя Родины, проявленные советскими воинами, трудовые подвиги и самоотверженный труд советских граждан в тылу, умелое руководство партии и военного командования во главе с И. В. Сталиным, которые в конечном итоге и привели к победе.

На примере первых послевоенных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея рассмотрим, с помощью каких музейных средств и экспонатов реализовывалась историографическая модель репрезентации войны. Выделим характерные черты, которые она приобрела с учетом специфики событий, происходивших на территории республики в 1941–1944 годах.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

В годы Великой Отечественной войны музеи европейской части России понесли значительные потери, учет и восполнение которых начались сразу после освобождения оккупированных территорий. Руководство музеев стремилось как можно быстрее возобновить работу культурно-просветительных учреждений и начать принимать первых посетителей [15: 156–157].

Государственный историко-краеведческий музей КФСР значительно пострадал во время оккупации г. Петрозаводска в 1941–1944 годах, многие ценные экспонаты и целые коллекции были утрачены. Однако усилиями сотрудников музея был открыт уже в 1945 году, до 1948 года продолжалась работа над формированием постоянной экспозиции музея². Более того, уже к 1948 году была собрана значительная коллекция предметов, связанных

с Великой Отечественной войной, что позволило на основе новой коллекции открыть полноценный отдел музея «Великая Отечественная война и участие в ней народа Карело-Финской ССР».

Созданием разделов экспозиций 1948, 1952 годов по истории войны занимались непосредственные ее участники. Заведующим отделом в 1946 году был назначен Николай Михайлович Минин, который в 1941 году добровольцем вступил в ряды партизан и до освобождения Карелии в 1944 году возглавлял санитарную службу партизанского отряда «Красный Онежец». В 1942 году Н. М. Минин был награжден медалью «За боевые заслуги». Научный сотрудник отдела, Леонид Филиппович Киров, фронтовик, младший лейтенант, радист разведывательного отдела штаба 14-й армии, воевал на Карельском фронте, был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Сотрудники нового отдела, прошедшие практически весь свой боевой путь в Карелии, были хорошо знакомы со спецификой военных действий на ее территории. Кроме собственного опыта у них также был багаж политических занятий, которые в обязательном порядке посещались бойцами партизанских отрядов и солдатами регулярной армии. В 1946 году Н. М. Минин, член партии, окончил одногодичную партийную школу в г. Петрозаводске и после ее окончания был принят на музейную работу. Необходимо отметить, что оба музейных работника не имели профильного исторического образования: Н. М. Минин окончил фельдшерско-акушерскую школу, Л. Ф. Киров имел среднетехническое образование³. Таким образом, представления научных сотрудников, которым поручено было создать экспозицию по истории Великой Отечественной войны, складывались из собственного военного опыта и знаний, полученных на политических занятиях. Они не имели достаточной исторической подготовки и даже музейного опыта, чтобы поместить события Великой Отечественной войны в контекст всей истории Карелии, создать «непрерывное историческое полотно». Это отразилось на структуре музейного показа и всей постоянной экспозиции музея.

Экспозиция отдела по истории Великой Отечественной войны не вписывалась в непрерывный последовательный нарратив, развернутый в пространстве музея, и даже нарушала хронологический принцип, положенный в основу маршрута осмотра. Посетители, самостоятельно осматривавшие экспозицию, начинали свой маршрут с первого этажа, где как раз находились стенды и витрины отдела. Более того, репрезентация сравнительно небольшого пери-

ода времени, пяти военных лет, занимала значительную экспозиционную площадь⁴, сопоставимую с площадями других исторических отделов, охватывавших не одно столетие. Открытие такого объемного музейного показа стало возможным благодаря большой исследовательской работе сотрудников, направленной на поиск экспонатов и документальных материалов. Основным направлением в исследовательской деятельности было изучение боевых действий на Карельском фронте и в тылу противника, сбор документов, материалов и экспонатов, связанных с подвигами Героев Советского Союза. Так, например, в 1947 году в музей был доставлен станковый пулемет «Максим» с пограничной заставы Героя Советского Союза Н. Ф. Кайманова⁵. Этот экспонат занимал одно из ключевых мест во всех экспозициях музея по истории Великой Отечественной войны, начиная с экспозиции 1948 года.

Помимо подлинных исторических памятников музеем изготавливались или заказывались картины и макеты. В экспозиции 1948 года было представлено несколько макетов: «Взрыв воинского эшелона подпольной группой», «Разгром диверсионной группы финнов партизанами в устье р. Водлы»⁶, «Зимний лагерь партизан», «Героическая застава [Кайманова]»⁷ и др. Как и основные экспонаты, макеты призваны были отразить участие «карело-финского народа» в разгроме врагов.

В 1948 году заместителем директора музея по научной части П. П. Вичуриной были подготовлены методические рекомендации к проведению экскурсий по теме «Великая Отечественная война». Методические рекомендации представляли собой путеводитель по отделу и предлагали готовые формулы для проведения экскурсий по каждому из разделов экспозиции по истории войны, которые практически полностью соотносились с тезисами общепринятой схемы репрезентации с некоторыми исключениями. Первый раздел носил название «Вероломное нападение». В нем раскрывались образ врага, изначальный характер войны, причины «временных неудач»⁸ Красной армии, создание под руководством ЦК КП(б) КФССР отрядов народного ополчения, подпольных групп, партизанских отрядов. Подчеркивалось, что СССР не готовился к войне и не желал ее⁹. В следующем разделе экспозиции «“Новый порядок” оккупантов» экскурсоводы, согласно методичке, должны были рассказать о политике финнов на оккупированных территориях Карелии, тяжелом положении гражданского населения. Два раздела были посвящены подпольному и партизанскому движению.

В этих разделах необходимо было на местном материале с учетом особенностей войны в Карелии показать патриотизм советских людей, проявленный «в самоотверженной борьбе» против оккупантов¹⁰. Далее следовало акцентировать внимание на цитате И. В. Сталина о руководящей роли коммунистической партии в деле борьбы против врага и на примере деятельности карельского ЦК ВКП(б) показать роль партии в организации и руководстве подпольным и партизанским движением («карело-финская партийная организация с первых дней Отечественной войны возглавила борьбу народных мстителей против немецко-фашистских разбойников»¹¹).

Поскольку музейная репрезентация помещала локальные события, происходившие в Карелии в военные годы, в общий контекст Великой Отечественной войны, в большинстве случаев для описания врага использовался термин «немецко-фашистские захватчики». Только в разделах, касающихся оккупации Карелии и Петрозаводска, можно было встретить упоминание о финских войсках. В центральной газете КФССР «Ленинское знамя» за 1947–1953 годы в номерах, посвященных годовщинам начала войны или Великой Победы, редкие статьи содержали упоминания о том, что финские войска участвовали в оккупации республики, акцент делался на победе над «фашистской Германией и империалистической Японией»¹². Газетные статьи, связанные с освобождением Карелии и Петрозаводска, отсылали к действиям финнов на оккупированной территории, в то же время события 1944 года нередко именовались освобождением республики от фашистской оккупации. Несмотря на яркий негативный образ финских войск, транслировавшийся как в центральной газете, так и в экспозиции, посетители музея, делаясь впечатлениями от осмотра музея в книгах отзывов, описывали свои чувства именно по отношению к немецко-фашистским захватчикам или фашистам, а не к финским оккупантам. Таким образом, акцент на восприятии немцев или, обобщенно, фашистов как основных врагов, несмотря на то что карельские партизаны и регулярные войска сражались против финнов, был задан именно историографической моделью. Она оказывала влияние на формирование ожиданий посетителей от музейного рассказа.

Следующий раздел носил название «Тыл – фронту». Он знакомил посетителей с результатами работы предприятий республики и всей страны, которая была направлена на оказание помощи фронту и партизанам. Прежде всего экскурсоводам предлагалось рассказать о работе предприятий лесной промышленности («лесорубы

и возчики самоотверженно трудились в лесу»¹³), рыболовецких («большую помощь фронту... оказывали рыбаки и рыбаки КФССР»¹⁴) и сельскохозяйственных колхозов. Раздел «Транспорт» раскрывал тему помощи фронту на примере деятельности Кировской железной дороги¹⁵.

Завершающие разделы экспозиции были посвящены боям на Карельском фронте, освобождению Карелии, а также героическим подвигам уроженцев Карелии, удостоенных звания Героев Советского Союза. Методические рекомендации предлагали начать рассказ о подвигах уроженцев Карелии с указания на преемственность боевых традиций участников Отечественной войны 1812 года и воинов Великой Отечественной войны («...земляки наши не уронили, а во многом приумножили боевую славу своих предков – знаменитых Олонецких стрелков... которые в числе первых вступили в Париж»¹⁶).

В годы Великой Отечественной войны обращение к дореволюционной истории за примерами народного мужества и героизма, проявленного при защите Родины в прошлом, позволяло советским людям расширять рамки идентичности до героев Древней Руси и Российской империи [16: 88], опираться не только на героические традиции Гражданской войны. В то же время нарушалась идеологическая целостность истории Советского государства, изначально противопоставившего себя всему дореволюционному [3: 10]. Однако обращение к истории противостояния Петра I со шведами или М. И. Кутузова с французами играло очень важную роль в поддержании морального духа советских воинов, которые на исторических примерах убеждались в возможности победы над грозным противником. Несмотря на то что надобность в исторических сопоставлениях после 1945 года миновала, они перекечевали со страниц военных газет и из политических занятий в методические пособия, а затем и в тексты экскурсий по музею.

В 1949 году был издан первый послевоенный путеводитель по Государственному историко-краеведческому музею КФССР. В нем была закреплена существующая структура экспозиции, предлагался маршрут осмотра, описывались наиболее значимые экспонаты. Как и в экспозиции по истории войны, в путеводителе большое место было уделено показу республиканского партийного руководства в годы суровых военных испытаний. На страницах издания были представлены фотопортреты и групповые фотографии партийного и комсомольского руководства, особое место занимали фотографии Г. Н. Куприянова, первого секретаря ЦК КП(б) КФССР. Однако уже в следующем году путеводитель был

изъят из продажи и библиотек, а музей начал работу над перестройкой всей экспозиции. Наибольшее число нареканий вызывал как раз отдел по истории Великой Отечественной войны. Он не только нарушал хронологическую последовательность музейного маршрута, но и содержал «идеологические ошибки». Одной из таких ошибок было упоминание имени Г. Н. Куприянова, который в 1950 году был снят со своего поста, а позже арестован, подразумевалось, что его фигура должна была исчезнуть из общественного дискурса. Одной из стратегий изображения реальности в советской историографии было нормативное забвение [16: 87]. К этой стратегии пришлось прибегнуть музейщикам при работе над экспозиционным показом, изымая со стендов материалы, относившиеся к Г. Н. Куприянову. В этой связи показателен текст экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне», подготовленный заведующим отделом Н. М. Мининым в 1949 году. В документе чернилами были зачеркнуты те фрагменты, в которых упоминался Г. Н. Куприянов¹⁷, а фразы о руководящей роли партии приобретали обезличенный характер. В новой экспозиции его имя более не встречалось.

СОЗДАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ 1952 ГОДА

Работа над созданием новой экспозиции по истории войны началась уже в 1951 году. В приказе председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР от 6 июля 1951 года предписывалось упразднить отдел Отечественной войны, включив все экспозиционные материалы в отдел советской истории на правах раздела¹⁸. Новый раздел получил название «Участие КФССР в Великой Отечественной войне». В основу музейного показа предлагалось положить обобщающий сборник документов «О Великой Отечественной войне Советского Союза», составленный И. В. Сталиным¹⁹. В целом же экспозиция 1952 года сюжетно и структурно повторяла предыдущую и соответствовала устоявшейся историографической схеме репрезентации войны. Однако теперь она была вписана в единое музейное историческое повествование.

Предметный ряд практически не поменялся, сохранив ключевые экспонаты, подлинные предметы участников Великой Отечественной войны. Как и прежде, он характеризовал борьбу с захватчиками на территории Карелии на разных направлениях (граница, фронт, подполье), а также работу советского тыла для нужд фрон-

та. Однако в ТЭПе было довольно много экспозиционных материалов, не относящихся к событиям войны в Карелии. Общие и вводные темы, в которых раскрывались ключевые события войны, и частные сюжеты были представлены плоскостными вспомогательными экспозиционными средствами – фотокопиями документов, монтажами из газет и листовок, иллюстрациями. Если предыдущая экспозиция подвергалась критике, в частности за обилие местного материала и отсутствие связи с общими событиями Великой Отечественной войны²⁰, то новую можно было бы критиковать за обратное. Местный материал, в том числе и экспонатура, терялся на фоне многочисленных фотокопий и текстов, которые отражали ключевые события Великой Отечественной войны, но не коррелировали с событиями в Карелии. Каждый тематический подраздел начинался и заканчивался цитатами из работ, речей, статей И. В. Сталина, которые служили вступлением в тему, настраивая на ее восприятие и подводя своеобразный итог в конце. Цитаты И. В. Сталина были связующим звеном, а его деятельность в годы Великой Отечественной войны – сквозной темой разделов экспозиции.

Как и в экспозиции 1948 года, один из разделов был посвящен оккупационному режиму на территории Карелии. Он был единственным, не начинавшимся с цитаты из речей или работ И. В. Сталина, и самым мрачным по составу визуального ряда. Для описания деятельности захватчиков на оккупированной территории использовались цитаты из книги «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР: Сборник материалов и документов»²¹. Экспонаты, связанные с репрезентацией врага, характеризовали его жестокость и бесчеловечное отношение к советским гражданам (например, одежда узников концлагерей, нашивки на одежду – «унизительные знаки рабства» и др.). Визуальный ряд, сопровождавший рассказы о враге, – это фотографии разрушенных и разграбленных памятников культуры и музеев, убитых советских граждан и красноармейцев.

В текстах использовались эмоционально окрашенные прилагательные и существительные-характеристики для обозначения финских оккупационных войск (враг «злейший», «коварный», «палачи», «захватчики», «мерзавцы», «изверги» и др.). В рецензии на ТЭП 1952 года, представленной карельским историком Е. С. Гардиным, предлагалось «освободить аннотации от некоторых выражений военного времени» и заменить все эти определения на более нейтральные «белофинские оккупанты» или «белофинские

захватчики»²². Несмотря на то что большинство замечаний рецензента были приняты во внимание и исправлены, в финальном варианте ТЭПа все критикуемые Е. С. Гардиным эмоционально-окрашенные выражения сохранились²³.

В 1948 году между СССР и Финляндией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, нацеленный на «укрепление добрососедских отношений»²⁴. В центральных газетах КФССР был опубликован текст договора, а также речи советского и финского руководства, приветствующих его подписание. В печати также была представлена модель того, как необходимо относиться к заключению договора: «советская общественность единодушно приветствует подписание договора»²⁵. Руководители обоих государств подчеркивали уважительное отношение друг к другу, которое в итоге должно «ликвидировать пережитки недоверия»²⁶. Уважение на политическом уровне может стать одним из путей преодоления взаимной неприязни между государствами и народами [17: 659]. Именно на этот путь, согласно тексту договора, вставали Финляндия и СССР. Это не амнистия, не прощение, а желание преодолеть прошлые разногласия для выгоды обеих сторон. Относиться друг к другу с уважением в понимании советского и финского руководства означало учитывать обоюдные интересы при принятии тех или иных решений. Однако если на уровне дипломатических отношений между СССР и Финляндией установились условно «дружеские» отношения, то народам обеих стран, особенно жителям Карелии, испытавшим на себе финскую оккупацию, нелегко было стереть из памяти пережитые военные годы. Это нашло отражение на страницах центральных республиканских газет конца 1940-х – начала 1950-х годов: авторы многочисленных статей об освобождении республики и Дне Победы не готовы были отказаться от жесткой риторики по отношению к недавнему противнику. Создатели музейной экспозиции, не поменявшие тон в репрезентации финнов, были с ними солидарны.

Особое место занимала репрезентация партизан («народных мстителей»), которые действовали на оккупированной территории Карелии. Интересно, что для описания действий партизан использовались те же «деструктивные» глаголы, что и для описания действий врага: «разрушили», «напали», «разорили», «убили», «захватили» и др. Подчеркивалось, что они обращали против врага его же методы, то есть совершали акт возмездия. Визуальный ряд дополнялся фотографиями разрушенных финских гарнизонов, спущенных под откос вражеских эшелонов. Эти

фотографии представляли своеобразное зеркало визуального ряда, характеризующего деятельность оккупантов.

В подразделе, повествующем о работе подпольных групп на оккупированной территории, экспонировались личные вещи (одежда (платье, спортивные брюки), наручные часы, комсомольский билет) секретаря подпольного Олонцкого райкома ВЛКСМ А. М. Звездиной, которая была расстреляна финнами в 1943 году.

Жертвами оккупационного режима было гражданское население, оставшееся в захваченных районах республики и в Петрозаводске, а также военнопленные. В разделе «Злодеяния немецко-финских захватчиков на оккупированной территории» были представлены предметы одежды и личные вещи М. Ф. Миловидовой и ее детей, содержавшихся в Ильинском концлагере. Большинство предметов одежды были изготовлены самой М. Ф. Миловидовой из подручных материалов. В экспозицию был добавлен интерьер «Камера концлагеря для русских военнопленных», которая реконструировала условия их содержания на территории Олонцкой МТС. Вся обстановка камеры должна была показать тяжелейшие условия быта, приносившие узникам страдания²⁷. Пояснительный текст к интерьеру рассказывал о пытках и издевательствах над военнопленными. Эти и другие экспонаты из раздела красноречиво свидетельствовали о тяжелом положении гражданского населения и военнопленных, но в то же время работали на характеристику врага как безжалостного и бесчеловечного. Однако боевые подвиги и героизм советских воинов на полях сражений, трудовые подвиги народа-победителя в тылу занимали гораздо большее место в экспозиции, чем лишения, потери и материальные тяготы, которые этот народ испытывал. Образ советского народа как «мученика» не получил должного раскрытия ни в советской историографии первого послевоенного десятилетия [10: 308–309], ни на стендах экспозиции, следовавшей вновь установившейся историографической традиции.

Последние подразделы были посвящены победоносному окончанию войны и чествованию победителей, прежде всего И. В. Сталина, а также восстановлению разрушенного хозяйства и успехам на поприще мирного труда. На одном из фото М. И. Калинин вручал И. В. Сталину второй орден «Победа», рядом с фотографией размещалась фотокопия документа о присвоении ему звания генералиссимуса. В завершение осмотра экспозиции вниманию посетителей предлагался большой парадный портрет И. В. Сталина с подписью «Вождь и организатор нашей

победы»²⁸. Он объявлялся главным действующим лицом победы, а также ее историком. Советский народ сможет вернуть ее себе только после XX съезда КПСС, однако значение победы в войне для советских людей было очень велико. Она компенсировала горе и потери, так как вдохнула в них оптимизм и принесла веру в лучшее будущее [3: 10], а кроме того, утверждала победу социализма и доказывала превосходство этого социально-политического строя над всеми прочими.

Таким образом, экспозиции 1948 и 1952 годов транслировали одни и те же тезисы, несмотря на некоторые структурные и содержательные различия. Они основывались на рассматриваемой как единственно верной трактовке событий Великой Отечественной войны, которой были присущи однозначность и нормативность. Между 1948 и 1952 годами произошла некоторая коррекция этой трактовки, особенно это коснулось истории КФССР, так как одна из ключевых исторических фигур стала фигурой умолчания и исчезла из публичного пространства. Соответственно, идентичность посещающих музей советских граждан формировалась на основе нормативной исторической памяти. Музей стал одним из инструментов укоренения этой формы исторической памяти, с помощью которых версия истории войны, предложенная И. В. Сталиным, транслировалась советским людям [16: 84]. По окончании осмотра посетители должны были испытывать гордость за боевые и трудовые подвиги своих земляков и всей страны, ненависть к врагу, сочувствие к жертвам войны и вдохновение от победы.

ВОСПРИЯТИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ ПОСЕТИТЕЛЯМИ МУЗЕЯ

Основными посетителями послевоенных экспозиций музея были учащиеся школ и средних учебных заведений, военнослужащие местных воинских частей, организованные группы от предприятий и учреждений Карелии. И молодежь, и люди более старшего возраста так или иначе столкнулись с войной и ее последствиями. Петрозаводск значительно пострадал во время оккупации, на восстановление города ушло немало лет, тысячи горожан принимали участие в субботниках по его восстановлению. То есть большинство посетителей музея не просто имели представление о войне, но и обладали собственным опытом ее переживания.

Нормативность памяти о войне, утверждение единственно верной трактовки событий, политика умолчания неприглядных ее сторон и цены победы можно попытаться объяснить,

вернувшись к понятию «культурной травмы». Как было рассмотрено выше, Великая Отечественная война являлась объективно травмирующим событием, которое потенциально несло угрозу коллективной идентичности советского общества. Однако для того, чтобы историческое событие воспринималось обществом как травмирующее, оно должно быть репрезентировано определенным образом. Согласно Дж. Александру, для успешной коллективной репрезентации травмы должны быть предложены убедительные ответы на следующие вопросы: 1) что именно произошло с сообществом? 2) какая группа испытала на себе эту травмирующую боль? 3) в какой мере аудитория, которой адресована репрезентация травмы, соотносит себя с группой жертв? 4) кто вызвал травму, кто виновник? [2: 21–23]. Как можно увидеть, большинство разделов музейных показов 1948 и 1952 годов эти вопросы не ставит, то есть событие, которое является для общества причиной гордости, остается за рамками дискурса травмы и в какой-то степени не воспринимается как травма [4: 6]. Герои войны и герои труда в тылу, согласно создателям экспозиции, не могли быть жертвами, но были готовы жертвы приносить. Они – активные деятели победы, их жертва – это личный нравственный выбор. На стендах экспозиции был представлен целый пантеон героев, как общесоюзных²⁹, так и уроженцев Карелии³⁰. Их подвиги описывались с помощью действительных глаголов, подчеркивая активность и самостоятельность выбора.

Природа жертвы пассивна, жертвы испытывают на себе злонамеренные действия других людей, не обладают достаточными возможностями изменить свое положение, в результате чего получают травмирующий опыт. В экспозиции дискурс травмы частично раскрывается в подразделах, связанных с установлением оккупационного режима на территории Карелии. Жертвы – мирное население, оставшееся на захваченной территории. Травмирующая боль, которую оно испытывало, это результат действий оккупантов, заключавшихся в притеснениях на национальной почве, лишении свободы (помещении в лагерь), причинении физических страданий. Несомненным виновником страданий были показаны финские войска, оккупировавшие Карелию. Данный раздел экспозиции единственный из всех, связанных с показом Великой Отечественной войны, отвечает критериям репрезентации травмы. Однако в книгах отзывов посетителей музея за 1948–1954 годы нет ни одной записи, которую можно было бы идентифицировать как оставленную бывшими узниками кон-

центрационных лагерей или другими лицами, ассоциирующими себя с жертвами, пострадавшими от оккупационного режима.

Репрезентация травматического опыта оккупированного населения не была самоцелью научных сотрудников, однако она могла бы восприниматься определенной группой, такой как бывшие узники финских лагерей, как репрезентация травмы, но эта группа оставалась безмолвной. Травматический опыт не вписывался в общую концепцию героической борьбы и великой победы и, как следствие, умалчивался.

Впечатления о репрезентации врага, каковым в экспозиции по истории Великой Отечественной войны показаны немецкие захватчики и финские оккупационные войска, посетители подчас выражали с помощью лексики экспозиции: «фашистские полчища варваров», «поработители» и т. д. Интересен отзыв учащихся 7-х классов 9-й железнодорожной школы, побывавших на экскурсии в октябре 1950 года: «Отдел Отечественной войны вызывает большую ненависть к врагам»³¹. По мысли создателей экспозиции, именно эти чувства и должен был вызывать подраздел, в котором была представлена политика финнов на оккупированной территории. Демонстрация в экспозиции тяжелых условий лагерного быта, лишений и страданий мирного населения призвана была подчеркнуть основные характеристики врага.

Чувство гордости за ратные подвиги героев, трудовые подвиги в тылу, за достижение победы должно было утверждать идентичность. Великая Отечественная война как историческое событие создателями музейных экспозиций репрезентировалась как «нормальный кризис», согласно классификации Й. Рюзена [18: 41–42], который не привел к разрушению идентичности, а, напротив, доказывал превосходство советских людей и социалистического строя над антагонистами. Своеобразным преодолением этого кризиса на примере музейных экспозиций карельского музея стало включение истории Великой Отечественной войны в общий нарратив истории СССР. Музейный показ 1952 года не заканчивался событиями 1945 года, а продолжался подразделом о восстановлении экономики республики и послевоенных успехах в народном хозяйстве.

Что же чувствовали посетители музея по завершении экскурсии или самостоятельного осмотра? Какую идентичность формировал в них опыт осмотра экспозиций по истории Карелии, в том числе истории Великой Отечественной войны? Обратившись к книгам отзывов, можно увидеть, что большинство установок экспозиционеров усваивалось и присваивалось гостями му-

зая. Прежде всего они испытывали чувство гордости за историю своей родины и своих героев³². Посещение музея побуждало их передавать знания о прошлом следующему поколению, сохранять преемственность между прошлым и будущим³³. Отзывы свидетельствовали о большом вдохновении, которое посетители испытывали по окончании визита в музей, оно побуждало их трудиться на благо страны, например:

«Мы комсомольцы-делегаты съезда... будем еще с большим энтузиазмом работать, учиться и оберегать мирный созидательный труд народа» (Делегаты 4-го съезда комсомола КФССР, 6 июля 1950 года), «Нам это [посещение музея] помогает и вдохновляет на новые победы в строительстве коммунистического общества» (воины-строители, 24 мая 1953 года)³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, экспозиция 1952 года по истории Великой Отечественной войны представляла собой продукт историографической традиции, сложившейся к началу 1950-х годов. На подлинных памятниках раскрывалась борьба красноармейцев, партизан и подпольщиков с захватчиками, трогательны были экспонаты, связанные

с жертвенностью и героизмом советских граждан, разнообразен и грамотно подобран предметный и визуальный ряд раздела «Тыл – фронту», красноречивы в экспозиции были свидетельства о жестокости врага. Экспозиция должна была вызывать у посетителей чувство гордости за историю своего края, утверждать их в превосходстве социалистического строя, вдохновлять на новые, уже трудовые, подвиги во имя Родины.

Несмотря на то что Великая Отечественная война для советских граждан была трагическим событием, разрушившим привычный уклад жизни, принесшим тысячам советских семей невосполнимые утраты, в историографии и основанных на ней музейных показах репрезентация войны утрачивала свою трагичность. Напротив, она стала кризисом, который не разрушал, а утверждал идентичность советского человека. Репрезентация травматичного опыта не входила в задачи экспозиционеров как в 1950-е годы, так и в последующие десятилетия. Музеи-мемориалы Великой Отечественной войны, в залах которых находили отражение трагические истории военной повседневности, стали появляться в России только в 1990-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Выступление по радио секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина 3 июля 1941 г. // Правда. 3 июля 1941 г. С. 1; Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел и тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 34–35.
- ² Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею. Петрозаводск, 1949. С. 3–4.
- ³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 163.
- ⁴ Там же. Л. 161.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 10.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/9. Л. 13.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 2. Д. 2/29. Л. 173.
- ⁸ Научный архив Национального музея Республики Карелия (далее – НА НМ РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- ⁹ Там же. Л. 1–2.
- ¹⁰ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См., напр.: Ленинское знамя. 1952. 9 мая. № 92. С. 1; Ленинское знамя. 1952. 22 июня. № 123. С. 1.
- ¹³ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 32.
- ¹⁴ Там же. Л. 33.
- ¹⁵ Там же. Л. 36–37.
- ¹⁶ Там же. Л. 42.
- ¹⁷ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 5, 12.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/26. Л. 69.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/28. Л. 7–8.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8.
- ²¹ Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сборник документов и материалов / [Сост.: С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов]. [Петрозаводск]: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1945. 303 с.
- ²² НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 58.
- ²³ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.
- ²⁴ Молодой большевик. 1948. 8 апреля. № 29. С. 1.
- ²⁵ Ленинское знамя. 1948. 9 апреля. № 71. С. 1.
- ²⁶ Молодой большевик. 1948. 15 апреля. № 31. С. 1.
- ²⁷ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 17.
- ²⁸ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 49.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 50–53.

³¹ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1181. Л. 12.

³² НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 17 об.

³³ Там же. Л. 7; Д. 1181. Л. 26.

³⁴ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1181. Л. 9 об.; НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/4г. Л. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аброськина Е. В. «Свободные женщины Востока»: репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 2 (12). С. 106–119.
2. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
3. Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М.: АИРО, 2005. 56 с.
4. Аникин Д. А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. 2020. № 4. С. 1–10.
5. Аникин Д. А., Головашина О. В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78–84. DOI: 10.17223/15617793/425/10.
6. Буракова А. С. Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 100–105.
7. Давыдов С. Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 107–111.
8. Дугинец С. М. Деятельность музеев Ставрополя по сохранению наследия Великой Отечественной войны в 1941–1991 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 58–63.
9. Жидченко А. В. Повседневная жизнь городов тыла в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Урала и Сибири // Гороховские чтения: Сборник материалов шестой региональной музейной конференции. Челябинск, 2015. С. 505–508.
10. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274–315.
11. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 22–26.
12. Лямзин А. В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 73–80.
13. Майстровская М. Т. Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 7–22.
14. Михайловская А. И. Музейная экспозиция. М.: Сов. Россия, 1964. 518 с.
15. Музейное дело в России / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Колосовой. М.: Изд-во «БК», 2005. 615 с.
16. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
17. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. 728 с.
18. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: Проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
19. Скворцова Л. Г. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в экспозициях школьных музеев г. Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 3 (31). С. 38–41.
20. Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии ВОВ в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия-Германия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 56–169.
21. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

Поступила в редакцию 21.04.2023; принята к публикации 31.05.2023

Original article

Madina R. Kayumova, Chief Archivist, National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

THE ROLE OF MUSEUM REPRESENTATIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FORMING THE IDENTITY OF SOVIET CITIZENS

Abstract. The article deals with the problem of the formation of the identity of Soviet citizens on the basis of the museum representations of the events of the Great Patriotic War in the first post-war expositions of the State Museum

of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. The sources for the study were the documents of the museum that accompanied the process of creating expositions, the texts of excursions, guidebooks and guest reviews books. Museum expositions in 1948 and 1952 were created within the framework of the historiographical model that had developed in the first post-war years. This model largely determined the vector of historical representations of the war until the 1990s. The article shows which museum tools and exhibits were used to implement the historiographical model of the representation of the war, which factors influenced the formation of expositions, and to what extent the main ideas embedded in them were assimilated by museum visitors. The author concludes that the main means of the museum's political and educational work, which at the same time were forming its identity, were permanent historical exhibitions that presented a coherent story about the past, a kind of historical narrative. The narrative analysis of the museum expositions allowed the author to reveal how the events of the Great Patriotic War became one of the foundations of the Soviet citizens' identity. The identity-formation potential of the sections of permanent exhibitions dedicated to the history of the Great Patriotic War was used by the museum workers for patriotic education.

Key words: museum, representation, exposition, thematic expositional plan, Great Patriotic War, identity, Karelia

For citation: Kayumova, M. R. The role of museum representations of the Great Patriotic War in forming the identity of Soviet citizens. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):42–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.920

REFERENCES

1. Abroskina, E. V. “Free Women of the East”: representation of the Soviet policy in the field of woman question on the exhibitions of the State Museum of Ethnography in the 1920s–1930s. *Museum. Monument. Heritage*. 2022;2(12):106–119. (In Russ.)
2. Alexander, J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological Journal*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 6–40. (In Russ.)
3. Andreev, D. A., Bordyugov, G. A. The space of memory: The Great Victory and power. Moscow, 2005. 56 p. (In Russ.)
4. Anikin, D. A. Collective traumas as a subject of memory studies: the specifics of Russian discourse. *Studia Humanitatis*. Vol. 4. Moscow, 2020. P. 1–10. (In Russ.)
5. Anikin, D. A., Golovashina, O. V. Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research. *Tomsk State University Journal*. 2017;425:78–84. DOI: 10.17223/15617793/425/10 (In Russ.)
6. Burakova, A. S. Representation of the history of the partisan movement during the Great Patriotic War in expositions of the Vitebsk region's museums. *Scientific Notes UO VSU named after P. M. Masherov*. 2010;9:100–105. (In Russ.)
7. Davydov, S. G. Museum complexes and formation of historical memory about the events of the Great Patriotic War. *Modern Scientific Thought*. 2020;4:107–111. (In Russ.)
8. Duginets, S. M. The work of Stavropol territory museums to preserve the heritage of the Great Patriotic War in 1941–1991. *Journal of Military History*. 2019;8:58–63. (In Russ.)
9. Zhidchenko, A. V. Everyday life of cities of the rear during the Great Patriotic War represented in expositions of Urals and Siberian museums. *Gorokhov Readings: Proceedings of the VI regional museum conference*. Chelyabinsk, 2015. P. 505–508. (In Russ.)
10. Kulish, V. M. Soviet historiography of the Great Patriotic War. *Soviet Historiography*. (Yu. N. Afanasyev, Ed.). Moscow, 1996. P. 274–315. (In Russ.)
11. Linchenko, A. A. The problems of historical consciousness in the Jörn Rusen's philosophy and theory of history. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2013;13(4):22–26. (In Russ.)
12. Lyamzin, A. V. Basic images of Soviet and post-Soviet cinematography about the Great Patriotic War as elements of the national Russian identity. *History and Modern Perspectives*. 2019;1:73–80. (In Russ.)
13. Maystrovskaya, M. T. Museum exposition: trends of development. *Museum exposition: Theory and practice. The art of expositions. New scenarios and concepts*. Moscow, 1997. P. 7–22. (In Russ.)
14. Mikhailovskaya, A. I. Museum exposition. Moscow, 1964. 518 p. (In Russ.)
15. Museum Business in Russia. Moscow, 2005. 615 p. (In Russ.)
16. The past for the present: History as memory, and narratives of national identity. (L. P. Repina, Ed.). Moscow, 2020. 464 p. (In Russ.)
17. Ricoeur, P. Memory, history, oblivion. Moscow, 2004. 728 c. (In Russ.)
18. Rusen, J. Crisis, trauma, identity. *Chains of times: Problems of historical consciousness*. Moscow, 2005. P. 38–62. (In Russ.)
19. Skvortsova, L. G. The history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the school museum expositions of Saransk. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2015;3(31):38–41. (In Russ.)
20. Höslér, J. What does “working through the past” mean? The historiography of the Great Patriotic War in the USSR and Russia. *The memory of the war 60 years later: Russia-Germany*. Moscow, 2005. P. 56–169. (In Russ.)
21. Szotompka, P. Social change as trauma. *Socis*. 2001;1:6–16. (In Russ.)

Received: 21 April 2023; accepted: 31 May 2023